

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На аппельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
вольных ежей

март-апрель 1998 г.

№ 8

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

А. Галич

«Молодым свойственно ошибаться»...

Старые ошибки молодых дорого стоят
старым людям с загубленной молодостью

Эта фотография – пожилая еврейская женщина, ребенком пережившая Освенцим, бесстрашно нападает на бритоголовых нацистов – обошла мир. Снимок стал для многих символом современной борьбы всех тех, кто помнит ужасы нацизма, концлагерей, геноцида, с «молодыми нацистами», жаждущими возвращения к прошлому. На всех антифашистски настроенных людей неизменно производит впечатление позитивный смысл этой фотографии – возможность реального сопротивления одинокой храброй женщины безмозглым юнцам, кичащимся своей силой. Однако известность этой фотографии обернулась трагедией: еврейку-антифашистку выследили скандинавские нацисты, долго терроризировали и преследовали и в конце концов довели ее до гибели.

«Стильные» скинхеды-нацисты выдают себя за носителей современной молодежной культуры. Между тем, в их идеологии нет решительно ничего нового – это та же идеология трусости и бессилия, прикрывающаяся мнимой мощью и властью. Те же символы, те же лозунги, те же действия. И тот же страшный результат – сегодня от их руки гибнут те, кого не сумели уничтожить их деды. Современная молодежная культура многообразна и интересна; дело не в том, чтобы огульно отвергать все то новое и яркое, что несут с собой молодежные движения и субкультуры. Необходимо различать действительно новые культурные и общественные явления и старые, давно опровергнутые, но не забытые идеи слабости, проистекающие из страха и ощущения собственной неполноценности, идеи фашизма.

Молодые могут ошибаться, экспериментировать, искать другие пути, отвергая догмы и клише прошлого. Важно лишь, в своем «новом» не повторять смертельных старых ошибок, не забывать опыт прошлых поколений, не разрушать истинные ценности, как старые, так и новые.

В номере:

- Скинхеды, бонхеды и редскины:**
родовая вражда с. 2-3
- Панки глазами аутсайдера** с. 3
- Анти-хиппи** с. 4
- «Мудрые поэты улиц»**
Французский рэп с. 5-6
- Игры «левых» художников**
нравятся правым политикам с. 6-7
- «Малышата» Владимира Малышева**
Подростки во Владимире вступают в РНЕ с. 8-9
- Осторожно, закулиса открывается**
О новой книге И.Я. Фроянова с. 9-10
- Из истории Сопротивления
Итальянские анархисты
в фашистских лагерях с. 11
- Норвежские антифашисты:**
быстрота и натиск с. 12-13
- Памяти 8 Марта** с. 13-14
- Акция в защиту курдских беженцев**
в Германии с. 15-17
- Правые радикалы**
в немецкой армии с. 17-19
- Книжкино ревью** с. 19-20

Заклятые друзья

Скинхеды, бонхеды и редскины: родовая вражда

В Польше и Штатах, в Колумбии и Австрии – везде можно встретить бритоголовых юнцов, любящих помахать кулаками и попить пиво на концертах тяжелой ритмической музыки. Многие из них открыто называют себя нацистами и фашистами. Другие объявляют себя антифашистами, коммунистами или анархистами. Третьи признают только наименование скинов. Между «городскими племенами» скинхедов, несмотря на их общее происхождение, существуют жесткие различия.

В 1969 г. молодые английские рабочие из пригородов Лондона и Ливерпуля начинают выступать против хипповства и моды на идеологию *peace and love* («мир и любовь»). Длинным волосам они противопоставляют бритые затылки, пацифизму – стычки с бандами молодых рокеров-расистов *Teddy boys* («Игрушечные мальчишки»). Вначале скины придерживаются антирасистских взглядов: они тесно привязаны к своим пролетарским корням. Так, например, скины объединяются со шпаной из бедных ямайских кварталов *Rude boys* («Грубияны»). Общим для них является любовь к регги, *SKA* и спокойному року (*rock steady*).

На фоне экономического кризиса скины ожесточаются. Их музыка становится все более дикой. Это так называемый стиль *Oi*. Они заполняют футбольные стадионы, устраивая грандиозные драки. Ради эпатажа некоторые из них заявляют о своих нацистских и фашистских взглядах. Для фашистов из Национального Фронта не составило бы, таким образом, большого труда политически «направить» это насилие и провокацию. Но не все соглашались встать под их знамена. Так называемые «троянцы», позаимствовавшие имя у фирмы грамзаписи, которая выпускала их любимые пластинки, постарались сохранить свой изначальный облик и остались строго аполитичны.

В начале 80-х годов «скинхедовская» мода распространяется по всей Европе. Скины, имидж которых изначально не был политизирован, но был построен на насилии и провокации, воюют с панками. Их девиз прост: «пиво, секс, драки». Подъем фашистских партий в Европе и, в частности, во Франции, однако, привел к тому, что скины стали появляться на демонстрациях Национального Фронта. Впервые это произошло в 1984 году. Английские скины могли бы служить образцом организованности; они добровольно вступают в ультраправые партии. Французы, итальянцы и испанцы слишком для этого недисциплинированы: они объединяются лишь между собой, а фашистские партии довольствуются только тем, что нанимают их для охраны своих митингов или для грязной работенки. В Германии и Скандинавии скинхеды формируют маленькие, крайне экстремистские группировки неонацистского толка. Вокруг играющей музыку *Oi* группы *Skrewdriver* в Англии образуется сеть фашистских группировок *Blood and Honour* («Кровь и честь»). Они политизируют *Oi*, придавая ей нацистский характер, и создают так называемый «Рок против коммунизма» (*RAC – Rock Against Communism*). Естественно, этот антикоммунизм – лишь повод для проявления жестокости по отношению ко всем, кто с ними

не согласен. Сеть *Blood and Honour* расплзается по всей Европе, и в 1992 г. достигает уже Польши и Словакии.

В противовес музыкальная группа *Oi* из Англии, связанная с крайне левой троцкистской партией, призывает к антифашистскому сопротивлению нацистам, которые, как они считают, предали с самого начала многорасовую культуру скинхедов. Так родилось движение редскинов, или «красных скинхедов». В середине 80-х годов они появились во многих европейских странах.

Красные скины называют себя коммунистами. В действительности, несмотря на использование «серпасто-молотка» советской символики, мало кто из них связан с какой-либо партией. Они предпочитают Че Гевару Ленину, а компанию друзей – партийным товарищам. Присоединяясь к автономным группировкам либо создавая свои, красные скины жестоко преследуют фашистов. Для этой цели они часто объединяются со своими вчерашними врагами панками, особенно если те – анархисты. Подобно скинам-нацистам, редскины призывают к насилию как к способу действия, но отрицают, по их собственным словам, «философию насилия». Они заявляют о своих антирасистских и, естественно, антикапиталистических взглядах, но их объединяет прежде всего антифашизм.

В 1988 г. группы американских скинов, до сих пор состоявшие как из нацистов, так и из коммунистов, выражали озабоченность подъемом национализма в своих рядах: некоторые скины примкнули к Ку-клукс-клану и различным нацистским группировкам. Была создана организация «Скинхеды против расовых предрассудков» (*Skinheads Against Racial Prejudices, SHARP*). В 90-е годы это движение набирает популярность повсюду в Европе. *SHARP* единым фронтом выступает вместе с красными скинами против скинхедов-нацистов, называя последних бритоголовыми (бонхедами, *boneheads*) и отрицая их принадлежность к единой скинхедовской культуре. *SHARP*, однако, отказывается от левых взглядов красных скинов и в качестве политического «символа веры» принимает только антифашизм и антирасизм.

Несколько лет назад сформировалась новая фракция. Канадские скины-анархисты не хотели, чтобы их политические идеи связывались с красными скинами, т. е. смешивались, таким образом, с коммунистической идеологией, будь то даже «антифашистский» коммунизм. Тем не менее они всегда выступали на стороне красных скинов, если тем была нужна помощь в драке на концертах или в баре. В конце концов обе группировки объединяются в движение «Красные скинхеды-анархистов» (*Red and Anarchist Skinheads, RASH*). Эта тенденция тоже начинает проникать в Европу.

В мире насчитывается всего несколько тысяч скинхедов. Если в течение определенного времени бонхеды и скины-нацисты составляли большинство, то сегодня их влияние падает благодаря скинам-антифашистам, которые стали более могущественными во многих странах. Правда, многие скины-нацисты сменили имидж, но не убеждения...

Dagens Nyheter

Группы городской молодежи, живущие, подобно воинственным племенам, со своей музыкой, своими отличительными знаками, своей модой в одежде и концепцией «мужской дружбы», скинхеды в основном – мужчины, хотя в их рядах немало и женщин. Политические идеи играют лишь второстепенную роль при вступлении в «племя». Хроническая недисциплинированность скинов, их провоцирующие, а порой откровенно жестокие выходы не добавляют уважения к ним ни со стороны населения, ни со стороны политических групп, с которыми они могли бы сойтись. Тем не менее некоторым как фашистским, так и антифашистским группам удалось создать настоящие

маленькие банды «политических солдат» – опасное оружие в политической борьбе. Если и можно использовать такие группы для пропаганды определенных идей, сами они, однако, не являются реальной политической силой. Некоторые партии используют подобные банды в качестве наемников, чтобы обеспечить проведение своих митингов, для расклеивания плакатов и для других второстепенных задач. Скинны охотно соглашались на такую работу – было бы «пиво, секс и драки».

Pierre Herisson
Reflex / No Pasaran (Франция)

Панки глазами аутсайдера

Мне нередко приходилось слышать мнение о том, что движение панков намного глубже, намного больше, намного серьезнее, чем это кажется на первый взгляд.

Это мнение в какой-то мере обоснованно. И правда, идеологическая «сознательность» и философская «подкованность» борцов с общественным вкусом давно перестали удивлять даже несведущих, хотя их манера одеваться и держаться все еще вызывает негодование у определенных слоев населения.

Все это, конечно, так, но было ли это так с самого начала? И вообще, существует ли так называемая «идея» панка, или это только выдумки людей, не имеющих к этому движению никакого отношения?

Обращаясь к истории этого движения, стоит отметить, что зарождалось оно в рабочих кварталах крупных промышленных центров Британии как реакция на безработицу. Правительство консерваторов в первой половине семидесятых годов, чуждое какому бы то ни было движению в обществе, позаботилось о соответствующих мерах и довело карусель жизни до полной остановки. На застой в экономике наложились нефтяные кризисы, и вторая половина семидесятых оказалась временем экономического спада. В конечном итоге он коснулся и простых людей, закрыв перед их носами двери заводов и фабрик, в то время как вокруг продолжали шуршать шинами лимузины сильных мира сего.

Наиболее ранимой частью общества оказалась молодежь. Отсутствие перспектив на будущее, бессилие перед неумолимостью общественной деградации, отсутствие даже малейшей надежды на улучшение поставили молодежь в тупик. Я имею в виду не столько интеллектуалов, студенчество, сколько молодежь попроще, верхом мечтаний которой было получить профессию, найти работу и идти далее по ступенькам жизни. Но даже не безысходность бытия, а просто откровенный застой в обществе, торжество обывательской морали, болотное состояние, где уже малейшая капля, имевшая неосторожность упасть где не дозволено, вызывают лягушачий ажиотаж и осуждение, стали причиной молодежной реакции, облекшей юношей и девушек в рвань и обзававшей их «отбросами».

Поскольку к этому времени британское общество уже ко многому успело привыкнуть: и к истерии «Битлз», и к нашим демонстрациям эпохи сексуальной революции, – то было уже довольно трудно чем-либо удивить и тем более расшатать это обывательское болото. Даже рванье вместо одежды не достигало нужного эффекта, если учесть, что и рокеры, и металлисты, и другие неформалы уже успели внести свою лепту.

Поэтому нужно было использовать более радикальные методы. Не только своеобразии причесок и разнообразии цветовой гаммы на самых интересных участках тела могли бы здесь помочь, но и опреде-

ленная символика, которая вызывала бы у населения самую бурную реакцию. Так рядом с металлическими вставками и угрожающей татуировкой появились и символы тогдашней политической арены: свастика рядом с серпом и молотом, кулачок рядом с Юнион Джеком, Карл Маркс рядом с Гитлером. Причем комбинации были самыми разнообразными и непредсказуемыми и составлялись чаще всего методом случайного тыка. Естественно, британское общество встало на дыбы при виде ненавистных ему атрибутов. Это была техническая задача, которая оказалась успешно выполненной.

Что же с «идеями» как таковой? Простите мне это утверждение – а ничего! По крайней мере, на первых порах. Образ жизни панков, их философия и, наконец, цель выразились лишь в одном слове: анархия. Об этом так прямо и заявляли идолы панк-движения группа *Sex Pistols* в своем хите, практически сразу ставшем гимном панков – *Anarchy in the UK*.

Главной задачей было – шокировать. Плевать в лица шахрающих прохожих, горланить пьяные песни, основой которой служила бы трехаккордная музыка, избивать цивилизованных подростков и т. д., и т. п.

Ничего, кроме анархических паролей, панки не могли предложить. Запретным считалось также повторяться, подчиняться и коммерциализироваться. Но на этом вся их философия и политическая сознательность заканчивалась. Склонность же к политической ангажированности относительно молода и, по-моему, абсолютно чужда первоначальному панковскому самоощущению.

Естественно, неоднократно предпринимались попытки придать панку философский смысл или заставить его вращаться в определенных, довольно узких и доступных для понимания и корректирования извне рамках. Но эти «философы» или «политические вожди» были извне и имели к панку только косвенное отношение. К тому же и сам панк не нуждался ни в каких директивах, структурах, даже в каком-либо смысле. В этом и была его новизна.

Я не раз разговаривал с панками, которые удивляли меня своей осведомленностью как в философских, так и в политических вопросах, но тогда я попросту начинал сомневаться в принадлежности этих людей к панку. Так что, если мне скажут, мол, мы – панки левого или правого толка, то я просто отвечу: не панки вы. Для меня панк – это в первую очередь абсолютная независимость. Панков-антифашистов я еще готов принять, так как их отношения зиждутся на демократической основе, которая наиболее близка к анархии, а не на принципах иерархии и подчинения. Но в существование панков-нацистов я отказываюсь верить по тем же причинам.

Анти-хиппи

Романтика, романтика
Небесных колеров.
Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

А. Галич

Хиппи уже несколько десятилетий остается одним из самых распространенных направлений в том, преимущественно «альтернативном», мире, представителей которого называют то «неформалами», то людьми какой-либо «субкультуры», то «волосатыми», то еще как-то. Мало кто в наше время не имеет хоть какого-нибудь, хотя бы самого схематического и поверхностного, представления о хиппи. У одних с этим словом ассоциируется образ молодого грязноватого бродяги с длинными волосами и разноцветными «фенечками» на голове и руках (ногах), для других «хиппи» означает прежде всего стандартный набор левых идей периода холодной войны – пацифизм, «свободные» отношения между людьми; равнодушие к таким капиталистическим ценностям, как карьера, деньги и комфорт; стремление жить для удовольствия, возведенное чуть ли не в политический принцип.

Людей, малоосведомленных в идейной стороне вопроса, хиппи часто раздражают бесцеремонностью своего поведения, вымогательством (кажется, это называется «жить на аске»), грязностью своего облика и удивительной способностью обезображивать места своего пребывания – надписями на стенах (обычно, лозунги в императиве, типа: «Make love not work/war», а также бесконечные изображения «пацифики»), разбрасыванием окурков и огрызков, разведением луж и пятен.

Между тем, эпоха хиппи знала и своих героев – людей высоко идеалистичных и принципиальных. Неприятие насилия, лежащее в основе философии хиппи, привело наиболее последовательных из них к активному участию в политической борьбе пацифистов с милитаристами, особенно актуальной в семидесятые-восьмидесятые годы – время гонки вооружений и возрастающей угрозы новой мировой войны. Хиппи-активисты организовывали «мирные лагеря», призывали людей на демонстрации против атомного оружия, требовали прекращения империалистической агрессии и военного вмешательства «главных» держав в дела других стран. Однако и в этот «звездный час» политической деятельности хиппи их мирный протест нередко не столько противоречил официальной пропаганде, сколько вливался в хор воплей о дружбе народов во имя «мирного неба» и лицемерных призывов к «борьбе за мир во всем мире».

Идеология хиппи признавала лишь борьбу «за», то есть именно то, что меньше всего пугает власть имущих, ожидающих неприятностей со стороны тех, кто борется «против». Любой режим, любая диктатура и власть насилия опираются на законы, запрещающие выступления «против» – советского строя, чистоты расы, единой церкви, общественного спокойствия и т. д. Законы же, запрещающие свободу, равенство, мир, права человека и многое другое, по сути чуждое любым блюстителям любого порядка, но не содержащее само по себе «подрывного элемента», как правило, не создаются и не применяются. Слова «миру – мир» не пугают милитаристов, они и сами горазды выкрикивать подобные благолепные лозунги.

Пацифизм хиппи прокатился по миру волной радостного облегчения для тех, кто хотел мира и спокойствия, а не новой борьбы и напряжения. Призыв жить в свое удовольствие и не портить себе и другим кровь был многим понятен, а больших усилий это не требовало. В мире, где господствовал принцип конкуренции от соревнования сверхдержав в гонке вооружений до самой маленькой фирмы или лавочки, борющейся с другой такой же за выживание, позиция хиппи привлекала беспечностью и возможностью жить для себя и ни для кого больше. Чтобы быть хиппи, не обязательно ненавидеть капитализм или коммунизм, или любой другой строй, достаточно посылать их со всеми их требованиями подальше, живя лишь собственными интересами и потребностями. Этот универсальный подход оказался заманчивым и для молодежи жестко-капиталистического Запада, и для многих на тоталитарном Востоке.

И тем, и другим надоели бесконечные «надо», а активное противостояние требовало создания и отстаивания собственных ценностей, то есть других «надо».

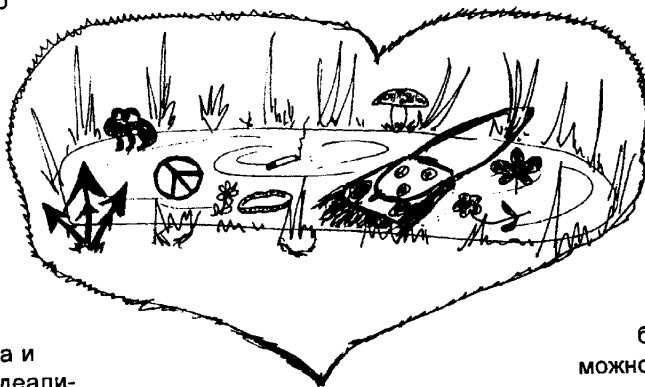
Насколько приятнее и проще примкнуть к какой-нибудь тусовке, где ничего не «надо», зато почти все «можно». Бродяжничество, наркотики, секс, ни к чему не обязывающие дружбы – все это заполняет жизнь псевдоромантическими приключениями, удовлетворяя, доставляя удовольствие, уводя от проблем. Можно быть слабым, можно

быть грязным, можно брать у всех, можно заботиться только о себе. Легкая жизнь эгоиста-потребителя, украшенная дорожно-

но-гитарной романтикой и равнодушным миролюбием.

Порой хиппи становились жертвами наиболее агрессивных любителей порядка и дисциплины. Советские милиционеры, не доверяя длинноволосым бродягам, норавли про-верить у них документы, а то и затащить в отделение. До сих пор живы предания о нападениях страшных подмосковных люберов на неформалов, мирно тусующихся на Гоголевском бульваре в Москве, в конце восьмидесятых годов. Хиппи могут быть жертвами, но не врагами. Даже милиционерам и люберам быстро надоедает охота на несопротивляющихся, пассивных и безобидных тусовщиков. Сторонники идеологии насилия, как и защитники режима, видят своих врагов в людях с другой системой ценностей, в тех, кому есть что противопоставить их примитивным и разрушительным идеям. Хиппи же скорее раздражают, чем всерьез беспокоят всевозможных агрессоров, диктаторов и фашистов. Раздражают хиппи и наиболее нетолерантных обывателей, нарушая чистоту и уют благообразных городков. Раздражают и радикалов-антикапиталистов, борцов с буржуазным обществом: хиппи ведь по сути прекрасно вписываются в толпу потребителей, хотя и в наиболее паразитической форме.

Обстоятельства, приведшие к возникновению движения хиппи, во многом изменились. А хиппи остались, утратив идейность, но сохранив образ и стиль жизни – легкий и бессмысленный.

«Мудрые поэты улиц»

(французский рэп)

В начале восьмидесятых годов с появлением рэпа во Франции возникла и новая культурная традиция – *Hip Hop*, ставшая впоследствии грандиозной музыкальной индустрией. Рожденный в «черных гетто» Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, рэп перерос во Франции в самостоятельное явление, обладающее своими специфическими чертами.

Несмотря на кажущуюся однообразность этой «музыки без музыкантов» – прерывистого ритма с редкими всплесками соло саксофона – и закрепившийся за рэперами всего мира стиль поведения и одежды с преобладанием продукции фирм *Nike* и *Reebok*, мир рэпа крайне многообразен. А история рэпа давно перестала быть предметом исследования только музыковедов, постепенно привлекая все больше внимания историков, социологов, лингвистов и политологов.

Между тем, в 1979 году в Штатах рэп впервые громко заявил о себе песней *Rapper's delight*, исполненной группой *Sugarhill Gang*, ничего общего с политикой не имеющей. Песня сразу получила известность как прекрасная танцевальная музыка. Однако важно отметить, что песня была адресована отнюдь не только афроамериканцам: «Скажи привет черным и белым, коричневым и желтым». Но тогда же, в семидесятых, вместе с небольшой группой с барабанами и саксофоном, получившей название «Последних поэтов», возникло и другое направление рэпа. Большие города Америки предста-

ют в песнях «Последних поэтов» мрачными джунглями, в которых черное население безуспешно ищет свое потерянное достоинство. На характерном сленге «черных гетто» эти песни призывали к борьбе и пытались пробить стену, отделяющую черных от белых. Певцы взяли себе в качестве псевдонимов традиционные мусульманские африканские имена, отказываясь от таких навязанных рабством обычных имен американских негров, как Стен

или Джек. Попытка восстановить утерянные мусульманские и африканские корни привела в своем крайнем проявлении к движению «Нация ислама» И. Мухаммеда, возглавляемому сейчас скандально известным Луисом Фарраханом. Учение Мухаммеда утверждает полное превосходство черной расы (как наиболее древней) над белой, являющейся порождением дьявола. Это учение, развитое и основательно дополненное Фарраханом, привело к возникновению в движении американских мусульман откровенно расистских тенденций, к тому же с изрядной долей антисемитизма. Марш чернокожих мусульман в Вашингтоне в 1995 году, организованный Луисом Фарраханом и собравший более миллиона человек, окончательно закрепил за лидером движения репутацию опасного экстремиста, избавиться от которой, несмотря на все его попытки, ему вряд ли удастся. Теперь в списке стран, которые Фаррахан посетил за последнее время, есть и Россия. И, хотя это уже разговор на иную тему, приглашение лидера «Нации ислама» Союзом мусульман России на праздник окончания поста Рамадан в январе этого года вряд ли может послужить к чести российского мусульманского сообщества.

Таким образом, культура рэпа с самого своего возникновения развивалась в двух направлениях. Одно определялось приверженцами идей Мухаммеда и Фаррахана, проповедующими в своих песнях ненависть к «белой расе» и призывающими к борьбе за восстановление справедливости. Их жестокие и агрессивные песни лишь способствуют росту расовых

противоречий и укреплению границ черных районов Америки – на этот раз уже от имени определенно настроенной части их обитателей.

Совсем другой представляется та часть культуры рэпа, которая, главным образом, направлена на устранение барьеров, над возведением которых так старательно трудятся их соседи по «планете *Hip Hop*».

При этом мир песен и тех, и других остается одним и тем же: бедные черные кварталы, наркотики и тюрьмы, насилие полиции, отсутствие перспектив и, конечно, удовольствие и музыка, секс и любовь. Необходимо отметить, что дискриминация женщин – отличительная особенность многих рэп-групп. Подмена слова «подруга» словом «сука» отнюдь не является чем-то необычным. Но и это правило, безусловно, не без исключений – в своем многообразии рэп может включать в себя самые различные явления.

Во Франции развитие рэпа как культуры социальных низов было обусловлено, конечно, в первую очередь социальной обстановкой в стране.

Если «черные гетто» Америки, породившие рэп, находятся обычно в центрах городов, а богатые люди часто предпочитают спокойные окраины, то ситуация во Франции прямо противоположная. Этот порядок стал складываться сразу после войны, когда возникла необходимость разместить многочисленных иностранных рабочих, приехавших восстанавливать страну, а также молодых крестьян, хлынувших в большие города в поисках работы. Тогда и стали строиться высотные спальные районы в пригородах, и постепенно возникла общая политика отправлять бедных на окраины, чтобы очистить от них города.

С ростом безработицы ситуация в этих районах обострялась и в настоящий момент является крайне напряженной. Неболь-

шое количество школ и переполненность классов, перенаселенность квартир, вопиющая бедность и жестокий контроль и произвол полиции приводят к постоянному ощущению близости социального взрыва. Не имеющая возможности вырваться из своей среды и лишенная перспектив молодежь устремляется в торговлю наркотиками и формируется во враждующие между собой группировки. Постоянно происходят бунты, беспощадно подавляемые полицией.

Именно эта среда и восприняла рэп как способ выражения своих чувств, отчаяния и надежд. Классовые противоречия здесь гораздо сильнее расовых. Песни «Мудрых поэтов улиц» – рэп-группы одной из северных окраин Парижа – называют «коктейлем Молотова», бросаемым в лицо обществу, шокированному сленгом и тем накалом страстей, которым дышат их песни.

В отличие от американского рэпа, французские группы включают в себя музыкантов самого разного происхождения. *IAM* – одна из самых известных французских рэп-групп – состоит из арабов, итальянцев, испанцев, греков и африканцев, которые признают только одно происхождение – спальные районы Марселя. Чилл (Акенатон), лидер группы, решительно отмежевывается от американского рэпа как от арены этнической борьбы.

С тех пор, как в 1984 году во Франции впервые появилась телевизионная программа с ведущим-чернокожим (Сидней Дютей), *Hip Hop* (а это было и названием передачи) стал огромной индустрией, тем более что Франция – это третий по величине музыкальный рынок в Европе. К 1997 году рэп был

Группа IAM

Courier international

признан самой покупаемой музыкой, и это было тем более удивительно, что расходились и все диски с совершенно неизвестными именами музыкантов.

Сегодня самый известный представитель французского рэпа – MC Solaar, родом из Сенегала. Прекрасно образованный, талантливый поэт, MC Solaar взялся доказать, что рэп тоже может быть литературой, и высокого качества. Его концерты собирают тысячи поклонников. Он живет в шикарном районе, его подруга – звезда местной эстрады. Однако на вопрос, какова первая реакция на него людей его района, он отвечает после длительного молчания: «Во всяком случае, они уверены, что мы – чужаки, иностранцы. Мы для них – не французы. Даже родившись во Франции и став знаменитым, ты всегда здесь будешь чужим и иностранцем».

Еще одно значительное рэп-явление во Франции – группа NTM с северной окраины Парижа Сен-Дени. Аббревиатура (так же как и в случае IAM) может расшифровываться по-разному, но наиболее частое толкование – это первые три буквы крайне грубого ругательства, имеющего буквальный эквивалент в русском языке и также состоящего из трех слов. Имидж «плохих парней» для NTM очень важен и старательно поддерживается. Они особо люто ненавидят прессу как рупор того самого общества, которое загнало их в условия «окраин-гетто», а теперь рассматривает с брезгливым интересом.

По мнению NTM, Hip Hop должен изо всех сил стараться противостоять растущему фашизму, хотя это и не должно становиться единственным содержанием песен. В 1991 году в песне *White & black* NTM заявили, что Ле Пен (лидер Национального Фронта во Франции) и Луис Фаррахан – это две стороны одной и той же медали, борьбы за ненависть.

Док Гринекко занимает, напротив, аполитичную позицию. Этот рэпер-одиночка считает, что «Ле Пену и ему подобным нет места в музыке». Он поет только о женщинах и сексе, причем трудно найти пример большей половой дискриминации в богатом сексизмом мире рэпа.

Группа *Minister Amer*, состоящая из пяти парней африканского происхождения, находится ближе остальных к американскому рэпу. Именно ими была исполнена музыка к нашу-

мешему фильму «Ненависть» (1995), сразу запрещенная к трансляции по радио. «Мы были экстремисты. Им это не нравилось. Они пытались запретить альбом к продаже. Им это не удалось», – говорит Пасси, бывший член группы.

Minister Amer пели о «культуре отщепенцев», эмигрантов второго и третьего поколения, так и не принятых страной, в которой они родились. На лозунг Ле Пена «Франция для французов» Пасси отвечает своим: «Франция для французского рэпа».

Прологом к фильму «Ненависть» является история человека, который падает из окна высокого дома и, чтобы успокоиться и не думать о приближающейся земле, повторяет про себя: «Пока все идет нормально». Эта аналогия относится к ситуации в парижских окраинах, взрывоопасность которых очевидна всем, но общество продолжает закрывать на это глаза и повторять: пока все идет нормально. Однако социальные противоречия и беспредел полиции делают взрыв неизбежным.

Главным пунктом обвинения на процессе, возбужденном против *Minister Amer*, стала песня «Жертвоприношение цыпленка» из фильма «Ненависть» (цыпленок – одно из презрительных прозвищ полицейского). За ненависть к полиции группа была приговорена к огромному штрафу.

Характерно, что герои фильма – араб, еврей и африканец. Они все – одного «окраинного» происхождения. Цвет кожи им безразличен.

Это во многом относится и к французскому рэпу в целом. Для французов нет «черного» или «белого» рэпа. Есть просто «планета Hip Hop» и ее жители. Но тот же Пасси, даже став звездой всех хит-парадов, иной раз напрасно пытается остановить такси на улице, если таксист – белый, а покупая продукты в большом супермаркете, всегда чувствует за собой особый надзор. Да и несмотря на закон о необходимости для всех французов всегда иметь при себе документы, проверяют их почему-то всегда у тех, чей цвет кожи или волос выдают в них «детей окраин». Пасси подводит итог: «Нет, рэп во Франции не расистский. Но вот Франция – все еще страна для белых».

Е.Ж.

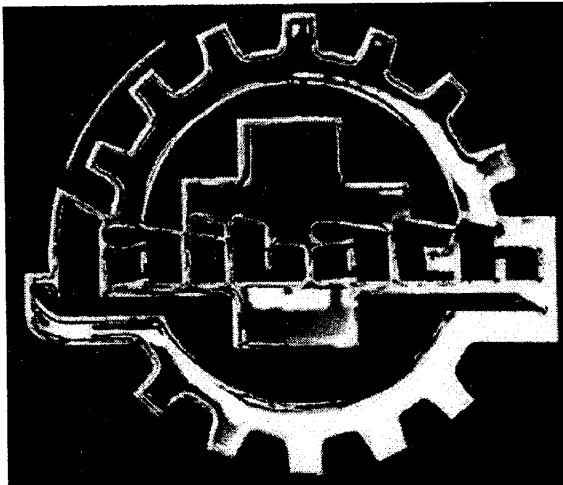
Игры «левых» художников нравятся правым политикам

В октябре в Санкт-Петербурге прошел концерт ультрамодной группы «Лайбах» из Словении. В петербургских газетах и престижных ТВ-программах это событие освещалось как чрезвычайно важное для культурной жизни города. Всем уважающим себя меломанам предлагалось незамедлительно умереть от стыда, если они ранее не слышали о такой группе. «Лайбах» действительно очень хорошо известна в Европе, однако хотелось бы усомниться в уместности подобного восторга. Дело в том, что их творчество требует более сознательного подхода в силу своей крайней идеологизированности.

Группа возникла в 1980 году в словенском шахтерском городе Трбоваль, а в 1984 году было создано более крупное движение – *Neue Slowenische Kunst* («Новое словенское искусство»), NSK, – в которое вошли, кроме «Лайбах», также театральная группа, артисты и художники. NSK представляет собой строго иерархизированную

структуру, эдакое альтернативное виртуальное государство с собственными паспортами и посольствами в разных странах, первое из которых, кстати, было открыто в Москве даже раньше, чем собственно словенское посольство. Говорят, во время вой-

ны на Балканах некоторые беженцы смогли вырваться из Сараево благодаря этим паспортам, выдавая их за иностранные. Цель деятельности организации, которая, по словам лидера и главного идеолога группы «Лайбах» Ивана Новака, состоит в создании синтеза музыки, театра и политики, все же остается не совсем ясной. Каждый «гражданин» NSK знает о существовании лишь части своих соратников – это либо его непосредственные подчиненные, либо начальники (всего же в NSK граждан больше, чем в Ватикане). Кто стоит во главе всего «государства», тщательно скрывается. Своей загадочностью и засекреченностью NSK может похвастаться с масонскими ложами или

Эмблема группы «Лайбах»

шпионской сетью тайной полиции. Что же касается собственно их творчества, то издевка над тоталитаризмом, изначально присущая ему, постепенно переродилась в нечто совсем иное. Это «Государство Искусства» было создано в социалистической Югославии в восьмидесятых годах как способ борьбы с тоталитаризмом власти. Путь, выбранный NSK для этой цели — симуляция государства и тоталитарной эстетики, — привел их к использованию и, что самое главное, к неизбежному пропагандированию стилей соцреализма и нацистского искусства. Символ NSK — черный крест Малевича, — использование тоталитарных маршей, само название группы — *Laibach* (Любляна) — немецкий вариант названия города во времена Австро-Венгерской империи, пафос Силы и Власти, обилие военной символики в музыкальных клипах — все это слишком уж двусмысленно для того, чтобы быть формой критики и пародии. «Мы используем оба крыла, левое и правое. Так как невозможно летать с одним крылом», — сказал Иван Новак в интервью газете «Невское время». Что ж, «долетались»! Подобная, граничащая с беспринципностью «биполитичность» может привести только к одному — к пусту и неосознанному, но неизбежному впадению в тот или иной радикализм. Какова аудитория «Лайбах»? Многие из них — люди, ищущие в этой музыке свою дозу ненависти и агрессии — скинхеды-нацисты, фашисты. Посольства NSK, открытые по всему миру, часто становятся ареной для более чем сомнительных политических игр. Обвинить NSK и «Лайбах» в откровенном фашизме было бы неверно, но разве возможно культурному лидеру не отвечать за своих последователей?

Может быть, деградация «Лайбах» и «Нового Словенского Искусства» от издевки над тоталитаризмом к практической его пропаганде не была бы столь интересна и поучительна для нас, если бы практически то же самое не происходило в России. Речь идет о «Новой Академии Изыщных Искусств» Тимура Новикова на Пушкинской, 10 (уже рассматривавшейся однажды в нашей газете). Все, начиная от названия и кончая уклоном вправо, как две капли воды схоже с люблянским движением. Нельзя утверждать, что одни подражали другим — скорее, во всех постсоветских государствах начали проявляться одни и те же тенденции. Тоже в конце восьмидесятых, тоже молодые талантливые художники, только что вылезшие из андерграунда, находясь в котором они составляли оппозицию официальному искусству, почувствовали необходимость объединения вокруг какой-либо новой идеи. Этой новой идеей стал так называемый «неоклассицизм», давать которому определение представляется задачей скорее искусствоведа, чем антифашиста. Интерес представляет для нас именно идейность

«Топор — не орудие убийства, а инструмент созидания»

неоклассицизма, его претензия на господствующее положение в современном художественном мире. Пресловутый «экологизм», призывы очистить европейское искусство от скверны модернизма и примитивизма, возродить классическую эстетику — основные задачи «Новой Академии». Стоит добавить еще

имперские замашки и радикальное православие — и картина готова. Достояна удивления потрясающая способность всех неоакадемистов к самовосхвалению (что, возможно, объясняется некоторой неуверенностью в себе и потребностью самоутверждения). Когда читаешь сочинения неоакадемиков, становится то страшно, то смешно. Вероятно, художники рассчитывают на читателя с тонким вкусом и острым чувством юмора, который не воспримет некоторые из их предложений буквально. «Художественная Воля» — движение, печатным органом которого является одноименная газета (приложение к известному в нашем городе благотворительному изданию «На Дне») призывает всех, кто радеет за сохранение идеальных чистых форм классицизма, браться за топоры («не орудие убийства, а инструмент созидания»), писать доносы в редакцию на тех, кто не соответствует неоклассическому взгляду на мир (рекомендуется даже особая форма доноса). Самовлюбленный же бред Юлии Страусовой, «Веры Мухиной новоакадемизма», или иронические умствования Андрея Хлобыстина, предлагающего, например, сделать Российский флаг красным в белый горох, казалось бы, ничего, кроме улыбки, вызвать не должны. Однако сама Ю. Страусова, этот «тайный агент» неоакадемизма на Западе, кажется, вполне серьезно пишет о «красоте стройных рядов» рэйверов или моряков, о Чайковском — «рыцаре Кольца Белого Лебедя», о себе самой как о «результате боди-арта своих мамы и папы». Вполне так же серьезно такая, например, в целом не склонная к юмору и эстетскому «стебу» газета, как «На Дне», печатает огромные интервью и статьи о деятелях «нового искусства». И что самое главное, находят читатели, которые все это всерьез читают и могут воспринять призыв «К топору!» как руководство к действию. Национал-большевики во главе с Дугиным и Лимоновым (кстати, хорошие знакомые и в прошлом даже коллеги Т. Новикова по совместным выступлениям) считают неоклассицизм вполне «своим» искусством.

От идеи «экологической чистоты в искусстве», провозглашаемой Тимуром Новиковым, этим «солнцем русской культуры», по выражению Ю. Страусовой, очень недалеко до идеи чистоты расы или национальности. Не думаю, правда, что неоакадемисты когда-нибудь будут всерьез пропагандировать что-либо подобное, однако само их творчество часто вызывает вполне определенные чувства, как и в случае с творчеством «Лайбах». Здесь трудно удержаться от проведения некоторых аналогий, — например, поражает схожесть визуального ряда клипов «Лайбах» с картинами некоторых неоклассицистов. Эстетика силы, власти и строгого порядка; образы сказочно-прекрасной, кукольно-красивой жизни, неожиданно сменяемые или совмещенные с образами войны, смерти, террора; прекрасные идеализированные мальчики в униформе и с полным вооружением (хорошо, если без свастики на рукаве)... Не важно, кто у кого на службе в данном случае — искусство у идеологии или наоборот, но если это игра, то опасная, потому что слишком легко перейти грань между игрой и реальностью.

том, что это честные деньги, но, к сожалению, нет неопровержимых доказательств.

До Малышева местное отделение РНЕ возглавлял Михаил Боровков, которому удалось создать мощнейшую военизированную организацию. Он подружился с директором владимирского рыбозавода и организовал за глухим забором под видом охранников целое вооруженное формирование численностью, по некоторым данным, до двухсот человек. В городе все об этом прекрасно знали. По территории завода ходили парни со свастикой, занимались спортивной подготовкой, проводили политзанятия. Как охранники они могли совершенно легально носить оружие. Именно директор рыбозавода, вместе с директором завода железобетонных конструкций, организовал ту самую поездку в Москву в октябре 1993 года, на которой погорел Малышев. Прежде Малышева уже пытались привлечь к ответственности за распространение порнографии, но дело замяли, поскольку он был «свой». Боровков же имел судимость, а спустя некоторое время после того героического рейда на Москву он бесследно пропал, и его исчезновение связывают с криминальными разборками.

Сегодня нашу область возглавляют коммунисты. У нас красный губернатор, красный председатель законодательного собрания, в котором заседают красные (за редким исключением) депутаты. Власть никак не реагирует на присутствие фашистов у себя под боком. Во время предвыборной кампании год назад РНЕ поддержало нынешнего губернатора-коммуниста. Сегодня двое баркашовцев официально заседают в политическом консультативном совете при главе области. Мне известно, что некоторые служащие областной администрации также состоят в РНЕ и Русском национальном движении — партии, отколовшейся от «Единства» после загадочного исчезновения Боровкова.

У нас есть депутат законодательного собрания, который гордится своей принадлежностью к Национал-большевистской партии Лимонова, его фамилия Громов. Другой депутат — правда, уже бывший, — Евгений Ильюшкин, как-то раз заявил по областному телевидению, что журналист по фамилии Лернер не имеет права критиковать его в печати, потому что он-то русский, а Лернер — еврей. Мало того, он даже записал свои откровения на рекламный ролик и использовал его в качестве предвыборной пропаганды, когда баллотировался в мэры Владимира. В прошлом году он снова претендовал на этот пост и получил при этом поддержку КПРФ и Русского национального движения.

Ни одна из газет в области не поднимала вопрос о росте национальной нетерпимости среди россиян. Парни со свастиками у нас гуляют по городу, все стены увешаны нацистскими листовками, и в то же время я четыре года публикую антифашистские статьи в областной газете в гордом одиночестве. Более того, некоторые журналисты берут интервью у членов националистических организаций и представляют их чуть ли не героями. Реакция простых людей вполне понятна, они пишут нам: «Читали статьи Новожиловой — страшно. Если это

правда, то почему власти молчат? Видимо, то, что она написала — неправда.» Когда я в газете позволила себе возмутиться антисемитскими высказываниями Ильюшкина, он подал на меня в суд за оскорбление чести и достоинства. Бывший заместитель Боровкова Илья Денисов в свое время громогласно заявлял, что за три дня может очистить город от «черных» и что всех евреев надо выслать на Сахалин. Никто и не подумал привлечь его к ответственности за эти высказывания. Зато теперь он тоже судится со мной из-за того, что я в одной из статей, описывая его внешность, имела наглость иронически заметить, что в ней нет ни одной славянской черточки!

Второй год подряд еврейские могилы на владимирском кладбище оскверняют некие молодые люди. Я знаю их поименно, но уголовные дела по этим фактам возбуждают и тихо закрывают. Нашли и исполнителей антисемитских надписей на стенах домов во Владимире в прошлом году: ими оказались подростки, наученные взрослыми дядями, которые давали им в руки аэрозольные баллончики и тексты. Я встретилась со следователями, ведущими это дело, и они стали агитировать меня за фашизм!

У детей из РНЕ пустые глаза, им вбили в голову, что свастика — это совершенно нормально, что во всех бедах виноваты евреи и т. д. Вытащить подростка из этой организации очень трудно. Мы долго работали с одним мальчиком из «благополучной» семьи — родители сами обратилась ко мне с просьбой им помочь. В какой-то момент я была уверена в успехе, думала: «Ну, хоть одного спасли». Через две недели я узнала, что он продолжает ходить в РНЕ.

Что уж тут говорить о «неблагополучных» детях! Здесь даже инспекции по делам несовершеннолетних нам не подмога. Для них важнее то, что, попадая к Малышеву, пацаны перестают пить, курить, нарушать дисциплину, даже выглядеть начинают иначе. Через некоторое время их приходится снимать с учета. Правда, тех же инспекторов, да и некоторых наиболее внимательных родителей начинают беспокоить жестокость, агрессивность, нетерпимость воспитанников РНЕ. Настораживают фразы вроде «Нас готовят для борьбы с хачиками!» И все же реальных шагов по борьбе с экстремистами от властей ждать не приходится.

Через пять-десять лет эти дети станут взрослыми, приобретут профессию, и может случиться так, что мы придем искать защиты у государства и увидим значок со свастикой на галстук у прокурора, судьи, милиционера — кого угодно. Тогда сражаться нам будет просто незачем.

Наталья Новожилова
Обозреватель газеты
«Призыв» (Владимир)

Статья подготовлена редакцией «Тум-балалайки» на основании выступления автора на конференции «Распространение национал-экстремизма в России», опубликованного в бюллетене Общественного фонда «Антифашист» (№ 5), а также материалов газеты «Призыв». Фото автора.

Осторожно, закулиса открывается

Новая книга декана исторического факультета СПбГУ И.Я. Фроянова посвящена истории Октября 1917 г. и призвана предоставить читателю изложение событий семидесятилетней давности «глядя из настоящего» (таков подзаголовок работы). Что же заставило специалиста по древнерусской истории обратиться к столь сложной и почти неохватной теме? Появились новые документы или исторические труды, которые подтолкнули автора к широким обобщениям — от эпохи Петра до наших дней? Ничего этого даже самый благожелательный читатель не найдет на ста пятидесяти страницах книги Фроянова. Профессиональный историк, вероятно, назвал бы эту работу

«компилятивной», судя по методу обращения с материалом (в основном это широко известные мемуары Витте и Милюкова, монографии Г.М. Каткова о Февральской революции, статьи из эмигрантского «Нового журнала» тридцатилетней давности и современная публицистика). Очевидно, дело здесь не в какой-либо научной задаче, которую собирался разрешить автор, а в лежащих за пределами академической историографии целях. Не потому ли он столь горячо спорит с трудами И. Бунича, Д. Волкогонова или драматурга Радзинского, едва ли заслуживающими серьезного научного рассмотрения?

То, что Фроянов пишет о расколе русского общества на «верхи» и «низы» после Петровских преобразований, об освобождении крестьян после 1861 года и столыпинских реформах, могло бы стать предметом специального спора. Но все это автор представляет не столько как реалии исторического развития страны, а как цепь вмешательств в вековые обычаи народной жизни. Общая картина, здесь вырисовывающаяся, примерно такова: патриархальная благодать отношений власти, народа и церкви разрушалась сверху, начиная с петровских времен, однако в целом твердыня крестьянского традиционного менталитета и сельской общины оставалась неизменной. Революция потому и оказывалась благом, что освобождает силы и интересы этой «низовой», трудящейся массы («революция для России», как ее именует Фроянов). В книге почти не рассматривается большевистская программа мировой революции, для которой Россия была лишь средством («Россия для революции»). Ведь была, оказывается, еще таинственная и зловещая «революция против России», которой особенно занят автор. Фроянов указывает на невежество и глупость «демократической» (с неизменными кавычками) печати и считает сверхпримитивизмом списывать революционные события на происки мировой закулисы или действия кучки революционеров во главе с Лениным. Однако на той же странице сказано, что в событиях 1917 г. «четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере».

После оговорки о том, что все суждения о роли тайных сил в революции носят лишь предположительный характер, треть книги посвящается проискам мировой закулисы, готовящей потрясения и революцию в России в целях обогащения. Можно согласиться с аргументами автора, что пресловутый Парвус едва ли мог передавать Ленину немецкие деньги. Но эти соображения нужны Фроянову лишь для подкрепления весьма неожиданной версии «финансирования» революции. Парвус будто бы использовал прикрытые немецкого Генштаба для финансирования практически всех русских оппозиционных и революционных партий средствами американского или константинопольского еврейского капитала для разрушения России... Зачем обременять себя доказательствами, если за Парвусом «стояли мощные и в высшей степени могущественные надмировые силы, замысел которых он, похоже, осуществлял».

Там, где вступают в действие надмировые силы, историк делать нечего. Вообще, в книге историка Фроянова почти вовсе не чувствуется самой истории. Ведь что такое Россия, хотя бы и в 1917 году: романовское самодержавие, большевики, вся империя или территория, населенная, по тогдашней терминологии, великороссами? В отличие от риторических обращений к «проницательному» читателю, такие вопросы в книге даже не ставятся. «Аграрно-социалистическая» и «государственническая» версии революции плохо согласуются друг с другом. Вот и получается, с одной стороны, что предоставлять в России в феврале 1917 года демократические свободы было нельзя, поскольку она воевала и это угрожало целостности страны, с другой — народу нужен был мир и сама эта война велась, оказывается, до «тибельного конца России».

По Фроянову, есть одна и та же Россия, сейчас и сотни лет назад, осажденная врагами, преимущественно с Запада, которые угрожают ей расчленением и духовной смертью. Петровские чиновники-казнокрады, предприниматели и либеральные политики революционной эпохи и современные дельцы, наживающиеся на вывозе капитала за границу — все оказываются на одно лицо. Эти двигатели реформ (читай, смут и потрясений) суть паразиты, наживающиеся на бедствиях России и простого, трудового и православного народа — что в восемнадцатом веке, что в двадцатом. Чтобы устроить общество на принципах справедливости и добрых началах, не нужно никаких предпосылок (это, мол, марксистские догмы), а

нужно просто возвращение к незамутненным истокам традиции общинности и православия. Даже если не подвергать сомнению искренность социалистических убеждений автора, они все-таки целиком подчинены превосходству своеобразно толкуемых национальных интересов. Так, восстановление Сталиным идеи державности окупает для Фроянова «все мерзости режима: раскулачивание, насильственное объединение

в колхозы, искусственный голод, массовые репрессии, поощряемое сверху всеобщее ступачество, жесточайшее подавление личности и проч.» Автор характеризует тип созданного большевиками общества как социально ориентированный госкапитализм. Но тут же оказывается, что именно Запад препятствовал переходу в СССР от этого строя к социализму, действуя чуть ли не с шестидесятых годов через «агентов влияния» среди интеллигенции, а затем и в номенклатуре. Наконец, какое отношение к событиям 1917 года имеет современная полемика вокруг принятия Закона о религиозных объединениях, весьма подробно обсуждаемая на последних страницах книги и в приложениях?

Неслучайны частые обращения Фроянова к сочинениям Зюганова, бывшего председателя КГБ Крючкова и подобных им деятелей. Его толкования о мировой закулисе и кознях западных недругов России в первую очередь заимствованы из трудов покойного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, весьма популярного среди нашей «национальной правой» (его памяти и посвящена книга). От известных сочинений Гумилева и Шафаревича эту работу Фроянова отличает более академический характер и замена внутреннего врага («малого народа») — внешним (Западом). Вместо этнобиологической основы «русскости», как у откровенных расистов, здесь на первый план выступает более утонченная традиционно-религиозная ориентация. Несмотря на обилие ссылок и притязание на глубокое раскрытие феномена революции, книга представляет собой не научное сочинение, а идеологический продукт становящийся на наших глазах «народно-патриотической» историографии. Народность здесь — это не «история снизу», взаимодействие разных групп и слоев народа, а мифологизированная и внеисторическая православно-крестьянская «ментальность», а под патриотизмом понимается лишь ксенофобия и имперская великодержавность. Книга выпущена пятидесятичным тиражом издательством Санкт-Петербургского университета в рамках программы «Исторический опыт русского народа и современность», при поддержке государственной программы «Народы России: возрождение и развитие». Остается ждать выхода в этой серии каких-нибудь «Очерков истории мировой закулисы» или проведения конференций на тему «Враги России: вчера, сегодня, завтра». Подобные сочинения не развивают историческое самосознание народа, а затемняют его идеологической предвзятостью и реакционным мифотворчеством. Причем реакционность в данном случае — не идеологическое клеймо, а строгий исторический термин.

Итальянские анархисты в фашистских лагерях

Противостояние фашизму и особенно Соппротивление во время второй мировой войны всегда было темой популярной. Многочисленные статьи, книги, фильмы и даже сериалы посвящены этой теме. Многие из них не имеют под собой реальной основы и в зависимости от того, какие политические убеждения исповедуют их авторы, либо наполнены «чисто демократическим духом», либо историями о «героическом самопожертвовании» членов партии. Если верить британской пропаганде (активной и по сей день), можно остаться под впечатлением, что все действительно значимые отряды Соппротивления, действовавшие во время войны, были организованы и работали при поддержке соответствующих органов в Великобритании.

В Восточной Европе картина немногим лучше, «только партия сопротивлялась», а другие, «так называемые» группы Соппротивления, были на самом деле фашистскими прихвостнями, созданными для того, чтобы заманивать молодых патриотов в ловушку.

После окончания войны многие политические деятели пришли к власти благодаря своим «военным заслугам», часто вымышленным. Поэтому не удивительно, что люди с различными политическими пристрастиями рассказывают историю Соппротивления по-разному.

Прискорбно, что на сегодняшний день существует так мало достоверных и доступных материалов о роли различных европейских групп сопротивления. Для этого много причин, начиная с очевидных, — молчание обеспечивает выживание, ведь фашизм не был побежден в 1945 году. Люди, действительно боровшиеся с фашизмом, в отличие от тех, кто лишь говорил, что боролся, должны быть осторожны даже сейчас.

Итальянские анархисты — это одна из групп сопротивления, начавшая вооруженную борьбу против фашистов-чернорубашечников в начале двадцатых годов и продолжавшая ее вплоть до начала войны, несмотря на государственный террор, постоянный надзор, аресты, ссылки и насилие фашистских группировок — избиения, убийства, поджоги. Во время войны они не прекратили своей деятельности, продолжая борьбу в концлагерях, в итальянских городах и за границей.

Среди всех политических групп анархисты были единственной, которая никогда не заключала с фашистами никаких соглашений. Они представляли собой два совершенно противоположных конца политического спектра: тотальное поклонение идее государства с одной стороны и абсолютное неприятие государства как такового с другой.

8 ноября 1926 года *Gazetta Ufficiale* опубликовала декрет, по которому создавались «Особый трибунал для защиты государства» и комиссии, сотрудничающие с полицией и уполномоченные решать вопросы о содержании под стражей. Но уже до этого декрета многие анархисты были сосланы на острова в Средиземном море, с конца прошлого века использовавшиеся для изоляции от общества «инакомыслящих» и «разрушителей».

В условиях заключения анархисты держались компактной группой, способной противостоять диктату фашистов. В 1933 году на Понцианских островах группа из 152 политических заключенных организовала протест против непрекращающихся преступлений командования колонии, а годом позже заключенный ударил надзирателя колонии за то, что тот пытался заставить его салютовать фашисту.

Благодаря солидарности и сплоченности анархистам удавалось тайно получать и распространять немногочисленные анархистские тексты и сотрудничать с другими группами заключенных.

Отношения между заключенными-коммунистами и анархистами всегда были напряженными, так как первые, связанные политическими директивами партии и Москвы, всегда делали

Партизанский патруль на улицах Турина.
Апрель 1945 г.

все возможное, чтобы помешать деятельности анархистов. Противоречие еще более обострилось в 1936 году, когда пришли вести с испанского фронта о вооруженных стычках анархистов и коммунистов.

Противостоящие любой власти анархисты считались самыми опасными мятежниками в лагере. Подобная репутация среди высшего фашистского командования стала причиной новых преследований и приговоров, а часто и продления заключения даже без намека на судебный процесс. Так, несколько человек, приговоренных лишь к нескольким годам заключения, вынуждены были оставаться на островах до 1943 года, когда после падения фашизма они были «амнистированы».

Ликвидация лагеря на острове Вентотен, где содержалось большое число анархистов, показательна в качестве иллюстрации их положения в концлагерях. По прибытию новостей о падении фашизма первыми подлежали освобождению активисты движения *Giustizia e Libertà*, католики, республиканцы и Свидетели Иеговы. В результате в лагере остались только коммунисты, социалисты и анархисты. Затем, когда маршал Бадольо пригласил представителей коммунистической и социалистической партий вступить в правительство, они потребовали освобождения заключенных коммунистов и социалистов и добились этого, даже не упомянув анархистов и словенских националистов. Некоторые представители левых партий поначалу отказались покинуть лагерь и оставить анархистов в одиночестве, но большинство заключенных предпочли свободу солидарности, которая всегда сплачивала различные группы заключенных перед лицом общего врага — фашизма.

Через десять дней после отъезда остальных заключенных анархистов перевезли в другой концентрационный лагерь. Во время переезда многие пытались бежать, но лишь одному это удалось. По приезде в лагерь анархисты устроили стычку с администрацией, в результате двое были помещены в карцер. Это породило такие протесты и возмущение в рядах анархистов, что события вылились в жестокое столкновение с охраной лагеря. Затем, правда, многим удалось бежать и образовать первые в той местности партизанские отряды.

Борьба итальянских анархистов против фашизма не прекратилась в 1945 году. Они продолжали ее вместе с их испанскими единомышленниками.

Из книги: *Red Years, Black Years*.
London: ASP, 1989.
Перевод А.К. и В.

Норвежские антифашисты: быстрота и натиск

Норвежские антифашисты о себе

АФА в Осло существует с 1994 года. Однако активисты движения занимались антифашистской деятельностью задолго до того. Главным образом, они вышли из засквотанного в Осло дома «Блиц».

Норвежские антифашисты, так же как датские и шведские, рассматривают фашизм не просто как отдельно взятую идеологию, но как продукт капиталистического общества, которому необходимо расколоть людей для того, чтобы ими править. Фашизм, таким образом, является составной частью каждого современного государства в той или иной мере. Мы против status quo и считаем себя революционной группой... Мы подготавливаем почву для того, чтобы смогло вырасти новое общество... Наш любимый лозунг: «Против расизма, капитализма, гомофобии и сексизма», и мы стараемся действовать по всем этим направлениям.

Наша деятельность многопланова. Мы стараемся быть организацией, которая предпочитает уличные акции бюрократической газетной работе. Мы проводим всевозможные акции, от продажи антифашистских газет и журналов до открытой конфронтации с фашистами на улицах. Каждый год мы организуем и проводим большое количество демонстраций. Мы также активно участвуем в мероприятиях, проводимых левыми партиями и группами в Норвегии.

Свои идеи мы распространяем через наш журнал, на демонстрациях, устраивая беседы в школах и т. д.

В своей работе мы выбираем разные методы в зависимости от ситуации и наших возможностей и сил. Иногда мы сотрудничаем с другими группами, иногда мы предпринимаем насильственные нелегальные акции. Мы считаем себя боевой группой, и мы всегда готовы оказать сопротивление нацикам, когда ситуация этого требует. Европейский опыт последних лет убеждает: тот, кто управляет улицей, правит сознанием людей, особенно молодых людей.

АФА – антиавторитарная организация. Наша структура базируется на принципах: власть – общему собранию, прямые действия, сопротивление лидерам. В соответствии с нашими революционными взглядами мы не можем со-

Акция 18 октября 1997 г. Фото из журнала „Antifascistisk aksjon“.

трудничать с государством. Члены нашей группы воспринимают государство скорее в образе врага, нежели партнера. Поскольку мы антифашисты, мы, безусловно, не можем примириться с расистскими иммиграционными законами и тем самым выступаем оппонентами государства. Нам также совершенно очевидна связь некоторых крайне правых партий в Норвегии с бритоголовыми.

Мы взаимодействуем с другими группами в Норвегии и участвуем в различных проектах. Например, мы всегда выходим на демонстрации вместе с другими группами, но в нашей повседневной работе мы предпочитаем полную автономию. У нас также прочные связи с АФА в Швеции и Дании. Несколько раз в году члены разных групп собираются вместе и обмениваются информацией. Всегда осуществляется взаимопомощь.

Сопротивление для нас – это протест против любых форм подавления каждый день и каждый раз, как мы видим это. Антифашизм – это сопротивление насилию фашистов и фашистской идеологии!

«Труды и дни» норвежских антифашистов

18 октября 1997 года в норвежской столице произошло чрезвычайное

происшествие. Неонацисты вышли на демонстрацию перед посольством Южной Африки в Осло в поддержку сторонников апартеида. Впервые с 1945 года организованные неонацисты получили официальное разрешение властей на подобное мероприятие. В прошлом году, 22 декабря, норвежские неонацисты пытались провести демонстрацию в поддержку итальянских неофашистов перед итальянским посольством в Осло: пятнадцать молодчиков не простояли и десяти минут со своими плакатами и лозунгами, как были разогнаны полицией.

Инициаторами таких акций являются норвежские неонацистские организации «Анти-Антифа» и «Викинг». Недавно они заявили, что совместно с другими неофашистскими группами ими был создан Северогерманский фронт. Лидеры норвежских нацистов неоднократно привлекались к уголовной ответственности, в том числе за убийства и террористические акты. Тем не менее их темное прошлое не смутило норвежские власти, которые не только санкционировали откровенно нацистскую демонстрацию, но и предоставили возможность одному из лидеров выступить по телевидению.

Мероприятие 18 октября окончилось, однако, не так победно, как планировали организаторы демонстрации. Норвежские антифашисты из

АФА/Блиц атаковали демонстрантов, не дав им возможности развернуть свои транспаранты. Все время акции и стычки с антифашистами нацистские главари старались не высываться из собственных машин, которые были благоразумно припаркованы как можно дальше от места действия и находились под охраной полиции. Один из нацистских боссов, разбираемый любопытством, споткнулся на ровном месте и свалился, сильно ударившись головой об асфальт.

Несколько дней спустя нацисты пытались компенсировать поражение, которое они потерпели 18 октября, и напали на двух антифашистов, расклеивавших плакаты в Старом городе. Нападение было отбито.

Подобные атаки на антифашистов и их дома довольно часто происходят в Норвегии. Так, в октябре 1994 года нацистам стали известны телефоны, имена и адреса антифашистов в Осло. С конца 1994 по 1996 год подростки из фашистской организации «Викинг» и днем, и ночью звонили антифашистам с угрозами и оскорблениями, не скрывая своих собственных имен.

Кстати, норвежские антифашисты также обладают подробной картотекой имен, фотографий и прочих данных о местных фашистах.

В январе 1996 года и 9 ноября 1997 года нацисты подложили динамит в сквот «Блиц». За последние несколько лет участились вооруженные нападения на антифашистов на улицах Старого города в Осло. По ряду случаев были возбуждены уголовные дела, прекращенные, по утверждению полиции, «за отсутствием необходимого количества улик». Обычно свидетелей в таких делах найти трудно.

Поэтому норвежские антифашисты опираются главным образом на собственные силы. В связи с ежедневной реальной угрозой физической расправы со стороны фашистов антифашисты пользуются телефоном-SOS, с помощью которого всегда могут быть мобилизованы силы для оказания поддержки и отпора в случае нападения фашистов.

Вместе с тем на традиционные демонстрации 9 ноября, 8 марта, 1 мая собирается широкий спектр левых сил,

включая профсоюзы. Так, важным событием, в котором приняло участие 3 тысячи человек и 100 организаций, была «Акция – остановим нацистов» в январе 1996 года. Такова была реакция жителей Осло на очевидную активизацию неонацистов и попытку взорвать сквот «Блиц». Большим событием стало то, что в этой демонстрации приняло участие много выходцев из стран Востока, за чьи права в немалой степени и борются антифашисты, вступая в конфронтацию с чиновниками по вопросу об иммигрантах и уравнивании их в правах с норвежцами.

АФА/Блиц – Осло – одна из самых сильных и активных антифашистских организаций в Европе. Благодаря их деятельности, быстроте и натиску норвежским неонацистом ни одно мероприятие не удастся провести успешно.

Трухти

Составлено по материалам норвежского антифашистского журнала Antifascistisk Aksjon (N 16), который издается инициаторами АФА/Блиц – Осло.

Памяти 8 Марта

Интересно, что бы подумали социалистки, принявшие в 1910 году на международной конференции в Копенгагене решение о праздновании «Международного Женского Дня», если бы смогли увидеть, во что превратился день 8 Марта в конце XX века? Вероятно, их поразили бы уже сами титулы, присвоенные этой дате в советской и постсоветской России – День Весны, День Цветов, даже странное слово «сексдень» (то ли просто перевод английского слова «пол», то ли намек на то, зачем вообще нужны женщины). Еще интереснее представить себе изумление женщин-борцов за равноправие при виде красочных и пышных реклам, зазывающих 8 Марта в самые дорогие рестораны под лозунгом «Пригласите Вашу Даму».

Когда я увидела гирлянды каких-то диких цветов, изображающих надпись «8 Марта» в окнах отеля «Европа» (одного из самых дорогих отелей не только в Санкт-Петербурге, но и в мире), мне было просто жаль Клару Цеткин – как там к ней ни относиться, но не это она имела в виду. Шикарные магазины, отели и рестораны однозначно призывают мужчин не забыть, что 8 Марта – удачный момент для покупки женщины. «Пора-

дуйте Вашу возлюбленную», – действительно, когда-то платить надо, а тут – есть повод. Повод для одних потратить деньги на свою «даму», «возлюбленную» и тому подобные эпитеты для женщин, за которых платят мужчины; а других – повод сделать хорошие деньги, сыграв на тщеславии тех же мужчин (нет, ну моя все же самая шикарная!).

Как же так случилось, что дата, призванная напоминать о равном достоинстве мужчин и женщин, о праве женщины на самостоятельность и независимость, о высокой оценке профессионального труда женщин стала восприниматься

как день демонстративной власти мужских денег над женскими телами и душами?

В начале XX века требования женщин носили четкий и понятный характер: равноправие в политической и экономической сферах, предоставление женщине возможности работать в не худших условиях, чем мужчины, равная оплата труда, защита прав женщин-матерей. Требованиями этими отнюдь не исчерпывалась вся сложность проблемы взаимоотношений мужчин и женщин, но они, безусловно, отвечали насущным потребностям той эпохи. В большинстве стран Ев-

ропы женщины почти всегда могли быть лишь домохозяйками, а те, кого бедность вынуждала идти работать на фабрики, оказывались в тяжелейших условиях без каких-либо гарантий и с заниженным заработком. Требование равноправия было, в первую очередь, требованием сносной жизни. Женщинам – фабричным рабочим было не до разговоров об ущемлении достоинства, им сначала надо было защитить жизнь и здоровье себя и своих детей. В борьбе за их интересы и возникла идея 8 Марта.

Справочники утверждают, что в России этот день отмечался с 1913 года. Однако об этих первых 8-ых Марта мало что известно. А вот в 1917 году с демонстрации женщин-работниц началась февральская революция (8 Марта, по старому стилю, – 23 февраля по новому). Именно великие дни весны семнадцатого года принесли долгожданные права русским женщинам – в том числе право на высшее (университетское) образование и профессиональный труд.

Однако либеральным реформам 1917 года предстояли еще многие и многие испытания. Никто уже не отменял достигнутого с таким трудом равноправия. Наоборот, в Советском Союзе сама эта идея стала едва ли не культовой. Наши самые равноправные в мире женщины работали на стройках и в колхозах, учились и учили, валили лес в лагерьях, воевали в самых безнадежных войсках (пехота, снайперы), летали в космос, и даже женщина-министр имела место в советской истории. 8 Марта не утратило тогда еще своего революционного политического пафоса, только на митингах и собраниях обличали дискриминацию женщин в странах капитала, в то время как наши достижения ставились в пример всему миру.

Со второй половины пятидесятых Международный Женский День становится уже не просто датой, а праздником, так и называемым – праздник 8 Марта. Что тут, собственно, можно праздновать? Этим вопросом никто не задавался. Праздновать женщин – мам и бабушек, одноклассниц, коллег-инженеров или врачей, школьных учительниц, самих себя, наконец. Праздник, по-настоящему любимый народом. Быстро сформировались и традиции – единственный день в году, когда отцы семейств мыли посуду, а мужчины в транспорте уступали место с улыбкой – ваш день. Полагалось дарить женщинам цветы и даже подарки. В школах мальчики писали девочкам открытки с пожеланиями успехов и здоровья. Мужчинами, похоже, это воспринималось, как забавная игра, вроде карнавала в масках: один день в году вести себя с женщинами не так, как всегда. Революционный пафос полностью испарился. Вместо женской солидарности – мимоза, вместо прав – открытки с праздничными восьмерками.

Пронзительный эпизод: одна знакомая попала под 8 Марта (где-то в середине восьмидесятых) в больницу с травмой головы. Все остальные женщины, лежавшие в огромной палате отделения, оказались там в результате рукоприкладства мужей и сожителей – страшно избитые лица, рассеченные головы, сотрясения мозгов. И вот – ваш День, милые женщины, – с праздником! У каждой койки появились цветы, принесенные ухмыляющимися мужьями. Прикованные к постели женщины благодарно улыбались.

Таким остается 8 Марта для многих и сейчас – униженным, унижающим и униженным – праздником женщин.

Совсем другую картину наблюдаем мы в странах Запада, где никогда не побеждал социализм. Там 8 Марта по-прежнему день борьбы. Какие бы то ни было поздравления показались бы тем, кто о нем вообще знает (дата эта отмечается вовсе не всеми и не везде), дикостью и нелепостью. Символом женской борьбы служит совсем не мимоза, а какая-нибудь расхристанная женская фигура (что должно означать бунт и неподчинение стандарту), а часто и ведьма на помеле (так изображается феминистками

крайняя форма женского самовыражения). Надо сказать, что и на Западе смысл отмечаемого 8 Марта далеко отошел от первоначального – идеи равноправия в труде и общественном положении. То, за что боролись в первые десятилетия XX века, фактически уже стало реальностью – женщинам не заказан путь в любую профессиональную сферу, в том числе в правительство и армию, их права гарантируют особые законы, позволяющие совмещать работу с семьей и защищающие матерей-работниц. Проблема борьбы за выживание в развитых странах Запада вроде бы решена. Что же заставляет женщин и там вновь бунтовать и лезть на рожон?

Лозунг современного женского движения на Западе – антисексизм. Под сексизмом понимается унижение чести и достоинства женщины как на общественном, так и на личном уровне. Критика феминисток направлена на потребительское отношение к женщине, когда она воспринимается как игрушка, созданная для утлаживания мужчин, а не как личность, чье достоинство чтут и уважают. Эта проблема, несомненно, существует и, к сожалению, уже не только на Западе. Своеобразное сочетание западного сексизма с советским менталитетом и породило нелепое 8 Марта девяностых, с ресторанами и парадными туалетами «прекрасных дам» – разряженных покупных кукол.

Однако антисексизм не ограничивается борьбой с общественными стереотипами. Одним из главных направлений современного феминистического протеста стало жесткое осуждение мужских моделей поведения в вопросах сугубо личных, в частности, в сексуальной жизни. Темы насилия, принуждения и всевозможных личных оскорблений, наносимых женщинам в интимной жизни их мужьями, бойфрендами и партнерами, стали ведущими в дискуссиях последних лет.

Может быть, в чем-то (хотя бы в самом бойцовском характере отмечаемого 8 Марта) Запад и ближе к изначальной идее Международного Женского Дня – дня солидарности и борьбы за права женщины. И все же... Утрачена былая ясность цели и задач, расплывчаты требования, истеричны реакции. А разве сейчас уже не актуальны не новые, но вечные вопросы – взаимоуважения, равноправия, возможности самореализации? Если хотя бы где-то женщины и мужчины позволили бы себе и друг другу оставаться самими собой, развивать и совершенствовать свои отношения, ценя различия и осознавая общность... Хорошо бы вновь обрести смысл 8 Марта.

С. Святомиколов

Курдские женщины на демонстрации в Стокгольме 8 марта 1997 г.

АКЦИЯ В ЗАЩИТУ КУРДСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Около ста курдских политических беженцев, стремящихся избежать насильственной депортации в Турцию, нашли убежище в кельнской церкви Антонитеркихе в Германии. Это началось 21 января, когда двое курдов укрылись в Антонитеркирхе, и выросло в массовое движение тысяч людей как из курдской общины, так и из христианских церквей этого региона Германии. Спустя некоторое время беженцы переехали в одну из церквей Аахена, затем перебрались в Билефельд и продолжают странствовать по Германии в поисках поддержки.

Результат этой борьбы имеет огромное значение не только для курдов, но и для всех беженцев в Германии. То, как немецкое правительство обращается с курдами, – это лишь одно из проявлений крупномасштабного наступления на права беженцев в Германии. Немецкое правительство резко осудило правительство Италии, когда последняя использовала термин «политические беженцы» по отношению к курдам, недавно высадившимся на итальянском побережье. Германия предпочитает называть их «потенциальными преступниками». В действительности правительство Германии намерено заставить остальные европейские страны принять его бесчеловечную политику по отношению к беженцам.

Редакция нашей газеты по призыву европейских антифашистов направила министру внутренних дел федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия Францу Йозефу Книоле письмо с требованием отказаться от насильственной депортации курдских беженцев. Мы также обратились к пастору Курту Вернеру Пику, который возглавляет кампанию германских церквей в защиту беженцев, с письмом поддержки. Публикуемые ниже материалы получены нами через AFA-Rotterdam. Мы надеемся, что по их прочтении читателю станет понятно, почему никто из нас не вправе оставаться в стороне от этих событий.

Интервью с Хасаном Калханом, представителем курдских беженцев, укрывающихся в церквях Германии

К середине февраля около 60 беженцев нашли убежище в кельнских церквях. Все они – члены 25-30 семей из Северо-западного Курдистана (Турция). Одни из них живут в Германии более 10 лет, другие прибыли лишь несколько месяцев назад. Общим для всех является то, что их заявления на предоставление политического убежища были отвергнуты и им грозит депортация в Турцию и насильственное разлучение с их семьями.

Начало кампании было положено двумя людьми, которые искали помощи в кельнском отделении антирасистского движения «Ни один – вне закона», когда они оказались перед угрозой депортации. Была найдена церковь, совет которой согласился предоставить убежище, проголосовав 17 за и 16 против. С течением времени курдские беженцы перебрались в другие церкви в связи с нехваткой места. Таким образом увеличивалось число церковных общин, активно их поддерживающих. Беженцы пытаются укрыться от попыток правительства Германии их депортировать, и в то же самое время это политическая акция, посредством которой курдские беженцы заявляют о своем праве остаться в Германии, пока война в Курдистане не окончится и не будут уважаться права человека в Турции. В поддержку этого требования беженцы организовали 14 февраля 1998 года в Кельне марш протеста вместе с кельнским отделением «Ни один – вне закона» и отдельными курдскими и турецкими организациями. «Теперь мы ждем результа-

та этой демонстрации. Если не будет отклика и наши требования не будут выполнены, мы, естественно, будем продолжать акцию. Мы начнем голодовку, – говорит Хасан Калхан, представитель беженцев. – Мы готовы голодать до смерти, если необходимо. Я скорее умру здесь, чем соглашусь на депортацию в Турцию. Если я умру в Германии, то, по крайней мере, у меня будет могила, известно где находящаяся, и камень с моим именем, и моя мать сможет однажды прийти и положить к нему цветы. В Турции нас арестовывают, мы «исчезаем», нас пытаются, убивают и в конечном счете закапывают в общую могилу неизвестно где. В нашей стране существует множество таких общих могил, в которых иногда похоронены расчлененные тела. Турецкое правительство хочет лишить родственников жертв государственного террора возможности заботиться о дорогих им людях».

Депортация на войну

После всего того, что они пережили, курдам тяжело понять, как немецкие власти могут с легкостью депортировать их в зону боевых действий. Хасан Калхан рассказал, как его арестовали, завязали глаза и отвезли в неизвестное место. Там его семь дней пытали – полиция даже не задала ему ни единого вопроса! Когда его освободили вместе с восемью другими заключенными, он был не в состоянии встать на ноги. Все же полиция приказала им идти через неизвестную местность, пока они не достиг-

нут какой-нибудь деревни или города. Хасан отказался так поступить из страха в пути быть застреленным, так как военные очень любят рапортовать об убитых «террористах». В итоге полиция все же довезла его, тяжело измученного пытками человека, до ближайшего города. Несмотря на то, что он все это изложил в своем заявлении с просьбой о предоставлении политического убежища, у него сложилось впечатление, что люди, ответственные за рассмотрение его заявления, даже не открыв его дела, ответили отказом по причине «необоснованности» его просьбы. Другой беженец из числа находящихся в убежище уже был однажды депортирован. Когда он прибыл в Стамбул, то сразу на выезде из аэропорта люди в полицейской форме затолкали его в машину с темными стеклами. Во время пыток он потерял сознание и очнулся лишь в больнице. Наученный этим опытом, он постарался достать фальшивый паспорт и в итоге около месяца назад достиг Германии. Теперь он под угрозой вторичной депортации.

Среди курдов в убежище многие живут в Германии со своими семьями уже много лет, некоторые больше десяти. Но им – нарочно или по ошибке – посоветовали получить турецкий паспорт, якобы с целью свести к минимуму бюрократическую волокиту и, возможно, получить двойное гражданство. Для этого им на короткий срок нужно было вернуться в Турцию. Теперь германские власти используют это как предлог для того, чтобы лишить их убежища: они якобы могут жить в Турции без явной угрозы своей

16
 безопасности. Другие курды прибыли после 1993 года, и у них вообще не было реального шанса, так как законы о предоставлении убежища именно в том году были ужесточены в Германии. А ведь это было время, когда война в Курдистане достигла своего ужасного апогея – было уничтожено 3000 деревень.

«В Курдистане для нас существует лишь три пути: армия, деревенская милиция или тюрьма», – говорит Калхан, объясняя, почему он бежал в Европу. В Турции существует воинская повинность (и для курдов тоже), и молодых рекрутов заставляют воевать на стороне правительства против курдских повстанцев. «Отказников» ожидают очень жестокие репрессии. В оккупированном Курдистане установлена система «деревенской милиции». Людей насильственно отправляют в армию и используют в военных операциях против жителей их же деревни, которые поддерживают освободительную борьбу курдского народа, против курдского партизанского движения. «У нас есть лишь один выбор: либо стрелять в наших братьев и сестер, приходив с оружием от имени государства в наши родные города и становиться пособником государства, либо же идти в тюрьму, где нас под пыткой заставляют отказываться от наших идей».

Мы здесь не из-за машин

«Многие журналисты спрашивают нас: хотели бы мы вернуться? Конечно, все мы предпочитаем жить на родине. Одно единственное дерево там значит для нас больше, чем вся эта страна здесь. Мы приехали в Европу не из-за ваших машин. И мы очень хорошо понимаем, что

Германия нам не рада. Нам не очень нравится жить здесь. Мы бы очень хотели лишь одного от Европы – чтобы прекратилась война в Курдистане, и больше ничего.

Но правительство Германии посылает в Турцию оружие, амуницию, посылает те самые пули, которыми нас убивают, и, если посмотреть на его политику, оно даже посылает им приказ стрелять в нас. Европейское сообщество должно попытаться окончить эту войну, и до тех пор, пока это не будет сделано, мы – беженцы войны – должны иметь право оставаться.»

«Немецкая политика столь лицемерна, – добавляет Мехмет, другой беженец из Кельна. – С одной стороны, министр иностранных дел Кинкель заявляет о том, что Турция не может войти в Европейское сообщество до тех пор, пока не прекратит нарушения прав человека и не будет решен курдский вопрос, с другой стороны, министерство внутренних дел говорит, что в Турции для курдов не существует никакой опасности.»

Хасан Калхан замечает, что система в Турции и в Германии одна и та же, и потому продажа оружия и военные действия в Курдистане, депортации и пытки прекрасно сочетаются друг с другом. Сотрудничество Интерпола и подобных ему организаций стран-членов НАТО создает схожие условия для курдов в любом месте: «Из-за нашего происхождения и умелой работы полиции мы не можем найти ни работы, ни жилья. Как только мы приезжаем в Европу, тут же поступает полицейская информация, нас дискриминируют и преследуют из-за нашей национальности и здесь, в Европе – особенно

в Германии. Мы не можем найти работы, жилья, нас арестовывают и притесняют. Возможно, некоторые из вас вспомнят поправки к закону об иностранцах, принятые поздней весной 1996 года и превратившие депортацию в наказание за «нарушение общественного спокойствия» или участие в незаконной демонстрации. Курдов везде считают террористами. И почти все протесты против войны в Курдистане оказались вне закона после того, как министр внутренних дел Кантер запретил все курдские организации под тем предлогом, что они поддерживают Курдскую Рабочую Партию (КРП).»

Он не человек, он – курд

Все курды в убежище рассказывают о смерти родителей, братьев, сестер или детей от рук турецких солдат. Каждая женщина, бывавшая в тюрьме, была изнасилована как минимум пятью сотрудниками «секретной службы». «Тяжело говорить о всех унижениях и боли, которые они вынесли, – говорит Хасан Калхан. – Существует много вещей, о которых мы не можем рассказывать из чувства стыда, они обращались с нами так плохо!» Во время одного из армейских налетов на его деревню его самого заставили смотреть, как женщину затащили на деревенскую площадь и полностью раздели. Нескольким солдат, один за другим, публично изнасиловали ее. Калхана со связанными руками заставляли все это наблюдать. Он кричал: «Убейте меня, застрелите, чего вы еще хотите?» – но его не убили. В конце концов женщину привязали обнаженной к ослу, а ее мужа принудили везти ее так через всю деревню. Во время заточения Калхан был свидетелем того, как его друга при нем изнасиловали полицейской дубинкой, пытаясь заставить его дать показания о том, что Калхан является террористом. И когда он крикнул: «Как вы можете делать это с ним, он же человек!» – полицейский ответил: «Он не человек, он – курд».

Для Калхана и его товарищей нынешнее время, выражаясь словами писателя Гюнтера Грасса, – это время «демократически узаконенного варварства». Цель германской политики по отношению к курдским беженцам состоит в том, чтобы все они рано или поздно услышали звук отлетающего в Стамбул самолета и слова: «Он не человек, он – курд». Но беженцы решили сражаться за свое право оставаться в Германии, пока война в Курдистане не закончится. И мы должны поддержать их всеми возможными способами, потому что их борьба есть борьба за демократию, права человека и справедливость в Курдистане, в Германии и во всей Европе.

Dagens nyheter

Курдские беженцы высаживаются в Швеции (1993 г.)

Речь Хасана Калхана на демонстрации в защиту прав беженцев, состоявшейся 14 февраля 1998 года

Дорогие друзья!

Во-первых, позвольте мне выразить мою благодарность всем организациям, которые приняли участие в этом шествии в защиту нас, всех политических беженцев, нашедших убежище в Кёльне. Друзья, 21 января 1998 года мы начали акцию в церкви Антонитеркирхе, протестуя против отказа нам в предоставлении политического убежища и требуя права жить в Германии. Сейчас акция продолжается в различных церквях. Для тех, кто пострадал от политического преследования в Турции и Курдистане, эта опасность еще не миновала, — хотя некоторые из нас живут в Германии уже более чем 10 лет, и мы не можем представить себе возможность когда-нибудь снова ступить на землю, которую мы вынуждены были покинуть, чтобы прибыть сюда.

В ходе войны в Курдистане тысячи деревень были разрушены. Наши дома сожжены, а наши семьи разбросаны по миру. Германия поддерживает эту войну против курдского народа экономически и политически и делает из нас, тех, кто бежал от войны, нелегальных иммигрантов, используя лишенные всякой гуманности законы о предоставлении убежища и об иностранцах.

Большинство курдских беженцев, живущих в Германии, до этого бежали в западные районы Турции. Там они также подверглись преследованиям со стороны государства. Аргумент, выдвигае-

мый в первую очередь при отказе нам в наших просьбах о предоставлении политического убежища, — так называемая «альтернатива внутренней миграции на запад Турции». Этот аргумент абсолютно безоснователен, потому что в Турции плата за поддержку права курдского народа на самоопределение — пытки и тюрьма. Не существует свободы мысли и слова.

На любую критику нарушений прав человека турецкое правительство отвечает насилием. Это же применяется и к политическим беженцам, которые живут в изгнании в Германии и других странах Европы и продолжают свою борьбу за демократизацию Турции. Что могут ожидать депортированные беженцы, кроме опасности попасть в тюрьму или «исчезнуть»? Разве опыт уже депортированных беженцев не показал, что именно это всегда с ними случается и что даже их родственники подвергаются репрессиям?

В своем стремлении возвести стену вокруг границ объединенной Европы Германия опять показывает свое ксенофобское и расистское лицо. Пассажиры кораблей с беженцами, принятые Италией, были объявлены министром внутренних дел Германии Манфредом Кантером гангстерами и бандитами. А Руперт Шольц предпочел бы закрыть границы полностью. Таким образом политики высокого ранга накаляют страсти и готовят, кроме всего прочего, почву для нападений на беженцев со сторо-

ны неонацистов, чьи идеи не встречаются во всяком случае особенного протеста в сознании немецкой публики. На фоне всего этого равнодушия к насилию против беженцев и иммигрантов, политики осмеливаются утверждать, что постоянные нападения на иностранцев, о которых свидетельствует статистика, лишены расистских мотивов.

После принятия поправок к закону о предоставлении убежища 1993 года ксенофобия и национализм достигли своего апогея, последние препятствия на их пути были устранены. Поставить границы этому процессу было бы именно тем родом ограничений и границ, которые нам необходимы. Политика прав человека, о которой мы сейчас говорим, черпает свою силу в реальной международной солидарности и заключает в себе ответственность за судьбу беженцев в качестве центрального момента.

Своей акцией мы хотим защитить самих себя от ожидаемых нами нападений, а также выразить протест против разлучения наших семей посредством бесчеловечных законов о предоставлении убежища и об иностранцах.

Друзья, это то, что мы конкретно хотим сказать. Что в Курдистане не должно быть войны, что мир и братство правят в мире, в котором мы живем в равенстве и братстве — в этом духе мы вновь приветствуем вас.

Да здравствует Единство Народов!

Правые радикалы в немецкой армии

Среди самых неприятных особенностей большинства наций можно было бы назвать их склонность к отождествлению своего национального достоинства со смертоносной мощью своих вооруженных сил. И Германия здесь — не исключение.

Однако, после окончания второй мировой войны, во время которой немецкий вермахт не остановился даже перед самыми страшными преступлениями во имя Гитлера, отношение немецкой общественности к армии разделилось. Это случилось вопреки невероятным усилиям, которые оба новоиспеченных немецких государства затрачивали на пропаганду, стараясь в глазах граждан представить свои войска в качестве незапятнанных защитников народных интересов, обосновывая это с одной стороны антифашизмом, который якобы сродни коммунистической идеологии, и с другой — идеей «гражданина в форме», который только на время оставил мирную законопослушную жизнь, превратившись в мирного же законопослушного солдата. Но и в насхле двойственности мнений, правда, теперь уже в другом контексте: в то время как одни с опаской оглядываются на любые проявления ура-патриотизма и милитаризма, другие ощущают большой внутренний подъем именно в связи с националистическими и милитаристскими настроениями.

И скепсис первых, как выяснилось, не так уж безоснователен: именно в современной немецкой армии — бундесвере — наблюдается особенно высокая концентрация неонацистов.

Отдельные факты, подтверждающие существование неонацистских настроений в бундесвере, достаточно регулярно всплывали на поверхность и ранее. Но, начиная с лета прошлого года, количество подобных случаев несказанно выросло. Примечательно, что все без исключения элитарные части и подразделения оказались замешаны в подобных историях.

Сначала, в июле, появилась одна видеозапись, на которой были запечатлены сцены изнасилований и расстрелов, разыгранные двумя офицерами и множеством солдат из Шнееберга (Саксония). Они проходили подготовку в учебном лагере для миротворческих сил ООН в бывшей Югославии и устроили этот «спектакль» в 1996 году во время одного из перерывов между занятиями.

В октябре того же года была обнаружена еще одна видеозапись, датированная 1994-95 годами, с теми же «главными героями», где они среди прочего изображали антисемитское интервью на тему уничтожения евреев во второй мировой войне, а также отдавали честь «а-ля Кюнелен»

(одна из разновидностей гитлеровского приветствия, названная в честь покойного фюрера немецкого неонацизма Кюнена).

В ноябре в Берлине были найдены листовки, компакт диски и кассеты неонацистского характера, принадлежавшие одному из младших офицеров бундесвера. В том же месяце группа пьяных солдат учинила беспорядки на улицах города Детмольда (Гессен) и избила иностранца.

В декабре скандал достиг своего апогея, когда влиятельный немецкий журнал «Шпигель» опубликовал свое расследование по поводу выступления Манфреда Рёдера, гессенского вождя неонацистов, в Гамбургской Академии Вооруженных Сил на тему «Русские немцы в Кенигсберге».

Сам Рёдер, который уже отсидел тринадцать лет за многочисленные подрывные акции и поджоги, — одна из самых известных фигур немецкой неонацистской сцены. Он возглавляет организацию «Совместный российско-германский проект», занимающуюся заселением территории бывшей Восточной Пруссии российскими и другими немцами. Кстати, выступить пригласил его теперь уже бывший начальник той самой академии, полковник Шварцер.

Шварцер утверждает, что он тогда якобы и не ведал, в каких кругах Рёдер вращается. По мнению председателя еврейской общины Германии Игнаца Бубиса, это абсолютно неправдоподобная отговорка. Бубис также добавил, что «меня тоже часто приглашают в бундесвер, но при этом каждый раз требуют мои биографические данные».

В своем выступлении Рёдер еще раз повторил требование «ре-германизации Восточной Пруссии», что и было принято присутствующими офицерами без возражений. Оратора не оставили без аплодисментов. Начальник академии был осведомлен о содержании доклада, но ничего в этой связи не предпринял.

В конце концов, в знак признательности за выступление, бундесвер вручил «Совместному проекту» Рёдера три списанных грузовика и прочий материал в виде благотворительного взноса, за которыми он уже не раз обращался к министру обороны Фолькеру Рюэ. Однако сам министр тоже якобы не знал, что Рёдер из себя представляет.

После того, как вышел в свет материал «Шпигеля», Рюэ стал говорить об этой истории как о «невыносимом скандале». Он освободил Шварцера от должности начальника отдела кадров министерства обороны. Как и прежде, однако, Рюэ решил защитить своих подчиненных: «приглашение не носило симптоматического характера», — утверждает он. На требо-

вания об уходе в отставку министр ответил, что не может контролировать каждый доклад.

А двумя днями позже в той же академии бесчинствовали подвыпившие младшие офицеры, выкрикивая нацистские лозунги.

Настороженные средства массовой информации, начавшие, наконец, заниматься выявлением и освеще-

нием вновь нарождающихся неонацистских тенденций в немецкой армии, сообщают следующее: в 1993 году младшие офицеры в одной из частей в Баварии выкрикивали «Хайль, Гитлер!», а осенью 1996 года тем же занимались уже тридцать солдат, проходивших службу в рядах миротворческих сил ООН (!) в хорватском городе Тригоре; во время посещения музея в бывшем концлагере в городе Нойенгамме курсанты военного училища делали антисемитские замечания и цинично шутили в подобном роде: «Очень холодно, подложи-ка еще пару евреев в топку!»... Министр Рюэ комментирует вышеупомянутое следующим образом: «Это лишний раз доказывает, что наступило время стукачей и паникеров».

Однако все обвинения подтвердились. В этой связи оппозиционный блок, состоящий из социал-демократов и партии зеленых, смог провести в парламенте предложение о создании специального комитета для расследования этих фактов, которое встретило упорное сопротивление со стороны правящей коалиции (ХДС — ХСС — свободные демократы), склонной рассматривать это предложение как ненужное и запоздалое.

В «Ежегодном отчете о бундесвере за 1997 год», представленном уполномоченной бундестага по вооруженным силам Кларой Мариенфельд (ХДС) в марте этого года, отмечены в общей сложности 177 фактов проявления неонацизма и праворадикальных настроений. Это в четыре раза превосходит данные за 1996 год. «Однако, несмотря ни на что, настроение в войсках бодрое», — замечает госпожа Мариенфельд.

По ее мнению, если принять во внимание общее число военнослужащих бундесвера — 340 000, — то количество подозреваемых — всего 229 — относительно невелико. Праворадикальные выпады, считает Клара Мариенфельд, являются собой не какую-то общую тенденцию, а лишь отдельные случаи. Похожее мнение выражает и ее товарищ по партии Фолькер Рюэ: «Правый радикализм, собственно, не типичен для армии. Несколько идиотов всегда отыщется, но, в целом, солдатам можно доверять. Само подразделение — в полном порядке».

А между тем, последовали новые случаи. В одном из бранденбургских летних подразделений два солдата выкрикивали нацистские лозунги. Профессор истории Мюнхенского Университета Вооруженных Сил Франц Зайдлер выступил с докладом на тему «Вермахт в партизанской войне на Востоке», уделяя особое внимание освещению преступлений Красной Армии. Генерал в отставке Франц Уле-Веттлер назвал нападение Гитлера на Советский Союз просто упреждающим ударом.

Под давлением общественности Рюэ все же объявил войну «идиотам». На собраниях командного состава он требует от офицеров «больше гражданского мужества» и немедленного доклада о всех очередных происшествиях. Рюэ планирует также усилить проверку шкафов в раздевалках с целью предотвращения распространения пропагандистских материалов и, в довершение ко всему, ввести еще специальные картотеки с данными обо всех военнообязанных с праворадикальным уклоном. Эти люди будут отстранены от службы, если проявят склонность к неонацизму или уже были осуждены. Все государственные учреждения призваны предоставлять соответствующие данные для картотеки.

Однако здесь министр столкнулся с немецким пониманием правовой защиты личных данных. Ранее нацисты уже

Министр обороны Германии
Фолькер Рюэ

Searchlight

Searchlight

Церемония в память о «героях» вермахта с участием офицеров германской армии

пытались опротестовать попытку отстранить их сподвижников от службы в армии, ссылаясь на статью конституции о равноправии, что им в конце концов и удалось. В этой связи министерство обороны создало программу ускоренных курсов, задачей которой является просвещение солдат и офицеров в вопросах правого радикализма. Посредством трогательных видеофильмов и созданных с учетом требований педагогики ситуационных игр они должны будут узнать, что гитлеровский фашизм был преступен и что иностранцы тоже люди. Программа кажется хорошей, но наивно построенной.

По мнению министра Рюэ, большое количество раскрытых случаев правого радикализма связано с «повышенной чувствительностью населения», так что «сейчас сообщается даже о мелочах». По сути, это мнение правильно, но все равно цинично. Немецкая общественность, и прежде всего средства массовой информации, стала снова бдительнее и чувствительнее. Относится ли это и к офицерскому составу? Едва ли, если верить результатам тестов, проведенных на одном из просветительских семинаров (они опубликованы журналом «Шпигель» за 9 марта 1998 г.). Из двадцати пяти опрошенных офицеров на фразу «Я горжусь, что я немец» восемь ответили: «Я тоже», десять: «Стоит подумать», и только семеро нашли это высказывание «проблематичным». Но никто и не подумал назвать ее «неактуальной». И в следующем поколении, очевидно, все останется по-прежнему. По результатам опроса, организованного университетом города Констанца, 20 % всех курсантов офицерских училищ причисляют себя к «национал-консерваторам» и 55 % стоят «правее центра».

Не стоит, однако, упрекать немецкое правительство в том, что оно якобы поддерживает правый радикализм. Совсем недавно был продлен срок действия запрета на деятельность

одной из самых больших неонацистских партий — «Национального фронта». Против вышеупомянутого Манфреда Редера было возбуждено уголовное дело по статье «государственная измена», после того как он на съезде правой Народной партии Германии требовал свержения существующего государственного строя. В связи с растущими неонацистскими тенденциями в бундесвере правительство, да, в конечном счете, и все немецкое общество достигли понимания того, что идеология «демократического права на несение воинской службы», идеология «гражданина в форме» стала показывать и свою обратную сторону.

Гражданин, находящийся на службе в армии, представляет собой своеобразное зеркальное отражение гражданина вне армии. Именно в последней категории, особенно в молодежной среде Восточной Германии, заметно набирают силу тенденции к насилию и неонацистским настроениям. Очень важен тот факт, что в Германии существует возможность прохождения службы на альтернативной основе. Это как раз и есть та часть общества, которая отрицательно относится как к ура-патриотизму, так и к милитаризму вообще.

Однако не имеющие определенных взглядов и склонные к насилию молодые люди собираются именно в армии. Таким образом, относительно прогрессивное военное законодательство Германии вдруг оказывается покровителем вооруженному праворадикализму.

И все же небольшая профессиональная армия, требования о введении которой все чаще раздаются в немецком обществе, будет только способствовать дальнейшему обострению данной проблемы. Тогда готовность к насилию можно будет купить в виде контракта — отличная профессия для милитаристов.

Штефан Мелле

Книжкино ревью

Блох, Эрнст. Тюрбингенское введение в философию. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997.

Отрадно отметить тот факт, что книга известного немецкого философа вышла в свет по-русски за пределами Москвы и Петербурга. Издание, подготовленное уральскими философами (Т.Ю. Быстрова, С.Е. Вершинин, Д.И. Криушов) при поддержке издательства Центрально-Европейского университета выполнено весьма основательно: обширная вступительная статья С. Вершинина, развернутый комментарий к тексту и квалифицированный перевод обеспечивают первое, по сути, серьезное знакомство отечественной публики с творчеством Блоха. Фигура и творчество Блоха интересны для нас как по историческим, так и по мировоззренческим основаниям. Проживший долгую жизнь, Эрнст Блох (1885 – 1977) был связан дружескими отношениями или интеллектуальным сотворчеством с такими разными, главным образом немецкими мыслителями, как Макс Вебер и Вальтер Беньямин, Карл Ясперс и Георг Лукач, Бертольт Брехт и Теодор Адорно. Философию Эрнста Блоха чаще всего именуют «философией надежды» — по имени одного из его фундаментальных трудов (всего его

собрание сочинений насчитывает 16 томов). Блох был одним из тех мыслителей XX века, который сделал понятие «утопии» не негативным обозначением чего-то несбыточного, химерического — но неотъемлемым качеством как человеческого бытия, так и существования универсума, ибо, по Блоху, мир — это попытка, и человек должен сделать ее очевидной (с. 53). Средневековые арабские мыслители, молодой Гегель — автор «Феноменологии духа», — Томас Мюнцер как «теолог революции» — все они были для Блоха философами, для которых окружающий мир был не изначальной данностью, а предметом творческого осмысления и преображения. Для Блоха наиболее важным было не создание философских систем и не университетская философия, занимающаяся кропотливой разработкой частных проблем, а размышление об изначальных основаниях бытия, приближающееся к религиозной философии.

В годы первой мировой войны Блох уезжает из Германии в Швейцарию, где знакомится с Бенямином и кругом авангардных поэтов и художников — основателей дадаизма, исповедует последовательно антивоенные взгляды и активно сотрудничает в пацифистских изданиях. Блох сочувственно принял русскую революцию как выход из ненавистной войны и буржуазного порядка, однако не закрывал глаза и на те факты деятельности большевиков, которые казались ему возвращением к порядкам царской России: ограничения свободы, партийная диктатура вместо обещанной демократии и т. д. С наступлением фашизма Блох склоняется к практически безоговорочной поддержке коммунистов и действий руководства СССР — в том числе и в отношении «московских процес-

сов» против бывших вождей партии. Притом Блох никогда не был ортодоксальным, догматичным марксистом, и его оценки фашизма иногда намного пронзительней и точнее коминтерновских определений фашизма как диктатуры наиболее реакционных кругов финансового капитала. Его книга «Наследие нашего времени» (1935), выпущенная уже в эмиграции, рассматривает феномен «неодновременности». По Блоху, жизнь значительных слоев населения – крестьян и части горожан – протекает в ином, более замедленном ритме относительно общего течения современного развития, в том числе политического. Именно поэтому в условиях кризиса они оказываются столь податливы на реакционную – а не только и не просто фашистскую – пропаганду, склонны воспринимать современных демагогов как воплощенных героев мифов прошлого и т. д. Для разных людей и особенно социальных групп время оказывается текущим по-разному – и это Блох считает необходимым учитывать в антифашистской идеологической борьбе (с. 19-23).

В своем творчестве Блох испытал заметное влияние стиля и особенно духа экспрессионизма двадцатых годов («Дух утопии», 1918, 1923). Поэтому когда в немецкой культурной эмиграции конца тридцатых развернулась дискуссия об экспрессионизме и отношении к классическому наследию, Блох оказался наряду с Бенямином и Брехтом в составе сторонников искусства модерна – против «классицистов» Лукача, Куреллы и Хая из московской группы.

После войны Блох принял решение вернуться в ГДР и вскоре стал профессором философии Лейпцигского университета, издавал книги, воспитывал учеников. Тамошние власти даже ценили его как человека, пользовавшегося авторитетом, в том числе и на Западе, – несмотря на значительные расхождения «философии надежды» с официальным марксизмом-ленинизмом. После XX съезда КПСС и венгерского восстания идейная атмосфера вокруг философа резко изменилась – его взгляды подвергались идеологической проработке, публичная деятельность ограничивалась, а ученики лишались права на преподавательскую деятельность. После начала возведения Берлинской стены (летом 1961 г.) Блох принимает решение остаться в ФРГ и становится профессором Тюбингенского университета. Прочитанные там в начале шестидесятых годов лекции и легли в основу рецензируемой книги; Блох посвятил ее одному из своих учеников, оставшихся в ГДР, скрыв его за псевдонимом. Блох избежал участи еретика, становящегося ренегатом, не разделял обычного исповедания бывших коммунистов – антикоммунизма – и считал морально не оправданной критику советской оккупации Чехословакии теми, кто закрывал глаза на войну во Вьетнаме. До конца дней Блох остался социалистом, хотя и все более критическим по отношению к обществам, провозглашавшим себя воплощениями этого идеала.

Издатели труда Блоха специально оговаривают трудности перевода его текстов, полных неологизмов, стилистических перепадов, кажущегося порой экстравагантным словоупотребления. Его очень своеобразную книгу нелегко читать, и едва ли идеи Блоха будут столь же значимы и популярны, как труды его соотечественников и современников – Хайдеггера, Гадамера или Адорно. Однако Блох был именно тем мыслителем, который ввел понятия «Альтернативы», Будущего, Еще-не-ставшего в арсенал современной философии: «Выпрямляющийся человек и еще не полностью детерминированная реальная возможность – таковы категории, наиболее важные для развития нашей жизни, нашей литературы, философии, практики. Держать их открытыми в Эксперименте Человек, в Эксперименте Мир – вот что хотелось показать в этом введении с напоминанием старого изречения – Principiis obsta, верность началу, у которого генезис еще впереди» (с. 362).

Я.М.Б.

В сентябре 1998 года
в помещении общества «Мемориал» начинает
регулярную работу

антифашистская библиотека.

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция **антифашистских периодических изданий**, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии.

Читатели могут воспользоваться **алфавитной и систематической картотекой** статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам многих библиотек России.

Прийти в библиотеку можно уже сегодня по предварительной договоренности.

Звоните по телефону 314-23-68 (добавочный 3).

Адрес: Разъезжая ул., д. 9.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Учредитель:

Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъезжая ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль»

191186, Санкт-Петербург, Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции:

189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8

Тираж 500 экз.

При перепечатке ссылка на газету обязательна